

Матеріалы для исторіи Харьковскаго Университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Болѣ двухъ сотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на берегу рѣки Харькова раскинулся первый поселокъ. Мѣстность, занятая въ настоящее время городскими постройками, была покрыта густой и сочной растительностью, питаемой обильными нѣкогда водами рѣкъ Харькова и Лопани, съ прилегавшими къ нимъ многочисленными заливами, озерцами и ручьями. Въ густыхъ тростникахъ Лопани дикія козы скрывались отъ волковъ и медвѣдей. Перелетные лебеди покрывали ее весной. Роскошные сады съ путивльскими и склянковыми яблоками были нанимаемы московскими промышленниками за 30, 40 руб. въ лѣто. Въ урожайные годы четверть ржаной муки продавалась на базарахъ полковаго города Харькова по 70 коп. мѣдью, четверть овса по 25 коп.

Велико было природное богатство края; но бѣденъ онъ былъ удобствами цивилизаціи. Городская жизнь была однообразна и скучна. Съ солнечнымъ закатомъ горожане уже помышляли о сытномъ ужинѣ и крѣпкомъ снѣ, который не раздѣляли только часовые, высматривавшіе на городскомъ валу появленіе непрощенныхъ гостей—татарскихъ хищниковъ. Долгое время не было ни театра, ни книжныхъ магазиновъ, ни типографіи. Въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, когда возникли впервые драматическія представленія, довольствовались одной рукописной афишей; книги привозили два-три раза въ годъ ярморочные торговцы, и книги-то были, обыкновенно, очень скромныя—Письмовникъ Курганова, Оракулъ Мартына Задеки, плохенькіе лѣчебники, завалящіеся романы о любви Моины и Услада и т. п. Даже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія городъ выглядывалъ такимъ бѣднымъ и грязнымъ, что въ совѣтѣ университета возникла мысль хлопотать передъ правительствомъ о переведеніи университета въ Бѣлгородъ.

Годъ за годомъ, шагъ за шагомъ, городъ росъ и развивался, и въ настоящее время является средоточіемъ жизнедѣятельныхъ силъ

значительной части южнорусского края. Въ теченіе двухсотлѣтняго документальнаго существованія Харькова были годы бѣдствій, чумы, холеры, истребительныхъ пожаровъ, были годы свѣтлыхъ духовно-нравственныхъ явленій въ жизни мѣстнаго общества, когда возникали стремленія къ самостоятельной литературной дѣятельности и учреждались филантропическія и научно-просвѣтительныя общества. Въ настоящее время чувствуется уже настоятельная потребность въ историческомъ отчетѣ, въ систематическомъ и стройномъ обзорѣ харьковской старины. Писать исторію г. Харькова не значитъ опускаться въ безсодержательныя мелочи прошлаго. Если это прошлое состоитъ исключительно изъ мелочей, то не стоитъ затрачивать время на его изученіе, тѣмъ болѣе не стоитъ, что въ настоящемъ многое требуетъ затраты личнаго безкорыстнаго и доброжелательнаго труда. Только мысль о живыхъ, но давно забытыхъ или незамѣченныхъ въ свое время или недостаточно использованныхъ началахъ прошлаго можетъ повести къ его изученію. Собираніе внѣшнихъ фактовъ людской жизни, перечисленіе городскихъ учреждений по вывѣскамъ и уставамъ—дѣло скучное и малополезное. Исторія, какъ установленіе генетической связи культурныхъ явленій, можетъ пріобрѣсти серьезный интересъ. Просвѣтительныя и филантропическія стремленія мѣстныхъ дѣятелей недавняго прошлаго, ясно обрисованныя, получаютъ значеніе воспитательнаго элемента и содѣйствуютъ дальнѣйшему общественному преуспѣянію. Цѣнность историческаго изслѣдованія опредѣляется тѣмъ, въ какой мѣрѣ оно формируетъ и укрѣпляетъ созидающую мысль человѣка. Сближеніемъ фактовъ прошлаго опредѣляется ихъ сущность и значеніе. Среди забытыхъ могилъ и пришедшихъ въ разрушеніе памятниковъ историкъ отыскиваетъ искры жизни, подчасъ жизни многообѣщающей. Освобождая ихъ отъ нанесеннаго потокомъ времени праха и забвенія, онъ такимъ образомъ содѣйствуетъ ихъ обращенію въ животворный для общественнаго организма источникъ тепла.

Систематическая и достаточно полная и разносторонняя исторія г. Харькова—дѣло будущаго. Сегодня, въ нынѣшнемъ году, такой исторіи не можетъ быть по многимъ причинамъ. Не собраны и неразобраны необходимыя археологическіе и историческіе матеріалы; не опубликованы важныя для бытовой исторіи документы, хранящіеся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, напр. дневники, письма, судебныя процессы выдающихся харьковскихъ горожанъ стараго времени. Почти совсѣмъ нѣтъ историческихъ монографій о дѣятельности отдѣльных мѣстныхъ учреждений. Свѣтильникъ чистаго знанія, разсадникъ просвѣщенія въ значительной части южнорусского края, харьковскій уни-

верситетъ прежде всего заслуживаетъ подробной и дѣльной исторической монографіи. Уже на первыхъ порахъ своей научной жизни университетъ вносилъ въ мѣстное образованное общество просвѣтительныя и филантропическія стремленія, при чемъ или сами профессора становились въ живое общеніе съ жизнью, или питомцы мѣстнаго университета являлись посредниками между людьми общества и людьми науки. Съ пятидесятихъ годовъ почти всѣ лучшіе мѣстные люди или получили высшее образованіе въ здѣшнемъ университетѣ, или, такъ или иначе, пришли съ нимъ въ близкое соприкосновеніе по своему служебному положенію.

Для исторіи харьковскаго университета собрано мало матеріала, мало даже для внѣшней исторіи, не говоря уже о внутренней; нѣтъ статистическихъ данныхъ для опредѣленія роста учреждений, состоящихъ при университетѣ; собрано весьма мало біографическихъ свѣдѣній о профессорахъ; архивные матеріалы лишь затронуты въ трудахъ немногихъ лицъ; не собраны воспоминанія; печатныя данныя (актовыя рѣчи и отчеты, воспоминанія и пр.) разбросаны и отрывочны. Въ скоромъ времени, черезъ 12 лѣтъ, предстоитъ празднованіе столѣтія университета, и тогда понадобится біографическій словарь профессоровъ (по примѣру словарей московскаго и кievскаго) и общіе историческіе отчеты, а предварительно неизбѣжно понадобятся архивныя справки и бібліографическіе указатели—работа сложная, медленная и копотливая.

Предстояція замѣтки—черновой матеріалъ для будущихъ исторіографовъ нашего университета. Въ нихъ отмѣчены нѣкоторые черты изъ внутренней жизни университета за послѣднее двадцатилѣтіе и черты личнаго характера дѣятелей, обыкновенно ускользающія отъ вниманія официальной исторіографіи, практическія занятія по исторіи, начинанія и предположенія просвѣтительнаго значенія, не получившія практическаго осуществленія, наконецъ, кое-какіе анекдоты. Послѣдніе вносятся въ статью, потому что въ нихъ часто отражаются характерныя особенности личности, иногда настроеніе цѣлаго общества. Двадцать лѣтъ—время небольшое, а между тѣмъ произошло много крупныхъ внутреннихъ измѣненій и въ личномъ составѣ и въ настроеніи университетской среды. На одномъ историко-филологическомъ факультетѣ въ истекшее двадцатилѣтіе смерть унесла Рославскаго-Петровскаго, Деллена, Петрова, Пѣховскаго, Аристовъ, Потебню, Колмачевскаго, Андреевскаго и молодыхъ талантливыхъ магистрантовъ Александра Попова и Ильинскаго. Но гдѣ одно потеряно, тамъ другое пустило ростки, и уже такова духовная живучесть университета, что эти ростки клонятся къ солнцу объективной научной истины и получаютъ просвѣтительное и

моральное значенія. Университетъ, какъ море, вѣчно волнующееся подъ тяготѣніемъ научной мысли: въ однихъ мѣстахъ волна упала, въ другихъ поднимается.

Невозможно учесть ту массу труда, знаній и энергій, которую затратили харьковскіе профессора за истекшее двадцатилѣтіе въ области науки, просвѣщенія и филантропіи, въ университетѣ и внѣ университета, въ ученыхъ обществахъ, на съѣздахъ, въ публичныхъ лекціяхъ, въ положеніи гласныхъ думы и гласныхъ земства. Достаточно здѣсь сказать, что почти во всѣхъ капитальныхъ вопросахъ мѣстной научной и общественной жизни профессора оказываются или инициаторами, или на ихъ рукахъ лежала разработка самыхъ крупныхъ проектовъ, частью осуществившихся (устройство научныхъ обществъ, женскихъ гимназій, библіотекъ), частью неосуществившихся (женскіе курсы, изданіе журнала, устройство рабочаго дома и др.).

Прошлое нашихъ воспоминаній стоитъ близко къ современному, потому мы имѣемъ много судей и критиковъ; всякое преувеличеніе или ошибка легко можетъ быть замѣчена и исправлена.

ГЛАВА I.

Воспоминанія объ А. А. Воскресенскомъ и А. А. Потѣбнѣ.

Въ XIII томотѣ Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона (1892 г.) Д. Менделѣвъ помѣстилъ статью объ Александрѣ Абрамовичѣ Воскресенскомъ, его біографію съ научной оцѣнкой заслугъ въ химіи, оцѣнкой весьма важной при высокомъ научномъ авторитетѣ самого г. Менделѣва. Статья проникнута глубокимъ уваженіемъ автора къ „дѣдушкѣ химіи“, какъ г. Менделѣвъ называетъ Воскресенскаго. Отсылая читателя къ этой прекрасной статьѣ, ограничимся здѣсь краткими фактическими данными: Воскресенскій, сынъ священника тверской губерніи, родился въ 1809 г., учился въ духовной семинаріи, потомъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ, наконецъ за границей у Либиха и по возвращеніи въ Россію въ 1838 г. былъ назначенъ профессоромъ химіи въ петербургскомъ университетѣ, съ 1863 г. ректоромъ петербургскаго университета, съ 1867 г. попечителемъ харьковскаго учебнаго округа. Въ началѣ 70-хъ годовъ В. вышелъ въ отставку и поселился въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 21

января 1880 г. послѣ „долгой и плодотворной дѣятельности“. Г. Менделѣевъ отмѣтилъ, между прочимъ, слѣдующую замѣчательную черту: Воскресенскій въ отставку много времени посвятилъ на устройство въ своемъ имѣніи (Новоторжскаго уѣзда) двухклассной крестьянской школы. По словамъ г. Менделѣева, В. должность попечителя „считалъ не по себѣ, особенно вслѣдствіе тѣхъ симпатій къ реализму, которыми проникнута была вся его жизненная дѣятельность“.

Когда В. былъ въ Харьковѣ попечителемъ, я былъ въ послѣднихъ классахъ харьковской 2-й гимназіи (въ концѣ 60-хъ годовъ) и на первыхъ курсахъ историко-филологическаго факультета (въ началѣ 70-хъ годовъ). Въ такомъ возрастѣ и въ такомъ положеніи я, понятно, не могъ знать В. со стороны главныхъ чертъ его характера и дѣятельности. В. появлялся передо мной случайно, какъ высшее начальство, и въ моей памяти рѣзко запечатлѣлись лишь внѣшній его видъ, его наружность, приемы обращенія, его поговорки и прибаутки. Оригинальный былъ это человѣкъ: высокій, полный, сѣдой, всегда улыбающійся, съ поклонами во всѣ стороны, чрезвычайно словоохотливый, каламбурнистъ и шутникъ. Онъ очень часто ходилъ въ гимназіи на уроки и въ университетъ на лекціи. Человѣкъ всѣмъ доступный, простой и добрый В. въ разговорахъ и въ обращеніи съ учащимися обнаруживалъ слѣды пройденной имъ семинарской школы образованія. Помнится мнѣ одинъ пасмурный сентябрьскій денекъ 1869 года. Ученики 7 класса второй гимназіи безучастно и утомленно слѣдили за движеніями руки учителя геометріи, чертившаго на доскѣ какую-то замысловатую фигуру. Часы показывали начало втораго; и учителю, и ученикамъ, казалось, въ одинаковой степени хотѣлось поскорѣе распроститься съ этой скучной казенной четырехугольной комнатою съ печальной черной доской, траурно выглядывающей мѣловыми очертаніями бесконечно длинныхъ и однообразныхъ геометрическихъ фигуръ. Неожиданно растворились обѣ половинки двери, и въ классъ скорымъ шагомъ вошелъ Воскресенскій, сопровождаемый тогдашнимъ директоромъ гимназіи, добрымъ и уважаемымъ учениками Сценурой. Попечитель направился прямо къ кѣедрѣ, плотно усялся на креслѣ, положилъ цилиндръ на край кѣедры и запросто протянулъ ноги, какъ бы давая знать ученикамъ: „погодите, дѣтяи, я скоро не уйду и не одного потяну къ доскѣ на геометрическія прегрѣшенія!“ Онъ вызвалъ къ доскѣ ученика, который, будучи накануне спрошенъ, питалъ себя надеждой, что новое испытаніе въ грѣхахъ и новая крючковадая тройка послѣдуютъ не ранѣе, какъ недѣли черезъ двѣ. Но перстъ попечителя вывелъ его изъ этого заблужденія, и маленькому грѣшнику пришлось вкривь и вкось толковать, что прямая, пер-

пендикулярная къ двумъ линіямъ, проведеннымъ черезъ ея основаніе на плоскости, перпендикулярна также ко всякой другой линіи, проведенной черезъ ея основаніе на той же плоскости; но видно день ужъ былъ неудачный: бѣдняга совсѣмъ заперпендикулярился; послѣ первой погрѣшности въ формулировкѣ теоремы, попечитель замѣтилъ, что рѣшеніе сдѣлано по „щучьему велѣнію“; за каждой изъ слѣдующихъ ошибокъ онъ только замѣчалъ: „кланяйтесь, кланяйтесь!“ Отвѣчавшему было не до поклоновъ; взявъ въ руки мѣлъ, онъ началъ выводить какую-то отчаянную фигуру, ища въ ея очертаніяхъ спасенія и выхода изъ непредвидѣнныхъ затрудненій. Недовольный учитель вызвалъ къ доскѣ другаго ученика, и попечитель первого проводилъ на мѣсто проническимъ замѣчаніемъ: „вы согрѣшили противъ Святаго Духа“. Воскресенскій чаще всего приходилъ въ классъ во время уроковъ латинскаго и русскаго языковъ, при чемъ охотно спрашивалъ учениковъ, шутилъ съ ними и любилъ вставить латинскую пословицу. Однажды крайне проголодавшійся гимназистъ, не взирая на присутствіе въ классѣ превосходительной особы, пощипывалъ французскую булку. Попечитель замѣтилъ это, не безпокоилъ его спросомъ урока и только уходя замѣтилъ, что *satur venter non studet libenter*. Однажды ученикъ опоздалъ минутъ на десять; когда онъ отворилъ двери въ классъ, то прямо наткнулся на попечителя, который повелительнымъ движеніемъ руки остановилъ провинившагося, говоря: „*tarde venientibus ossa*“. Въ университетѣ В. бывалъ очень часто. Вошедши въ аудиторію, онъ присаживался на скамью къ студентамъ и слушалъ профессора до конца лекціи, а послѣ лекціи, посмѣиваясь, дѣлалъ иногда замѣчанія. Такъ, однажды, онъ пришелъ на лекцію къ профессору греческаго языка О. И. Пѣховскому. Слушателей было три человѣка, при чемъ всѣ они смотрѣли въ одну книгу—Ксенофонта. Воскресенскій присосѣдился на скамьѣ къ студентамъ, посматривалъ въ ту же книгу, а уходя изъ аудиторіи послѣ лекціи сдѣлалъ студентамъ замѣчаніе, что у нихъ на всю деревню одинъ топоръ. Бывалъ онъ и у проф. Аристова на лекціяхъ по русской исторіи.

Отъ первой силы административной—попечителя—перейдемъ къ одной изъ самыхъ крупныхъ научныхъ силъ—проф. А. А. Потебнѣ. Извѣстно, что кончина А. А. *Потебни* поразила горестью его учениковъ и опечалила историко-филологическое Общество, состоящее при харьковскомъ университетѣ. Первой заботой Общества было собрать всѣ некрологи о Потебнѣ и оказать возможное содѣйствіе семейству покойнаго въ подготовленіи къ печати неизданныхъ его трудовъ, весьма многочисленныхъ и въ высокой степени цѣнныхъ. Затѣмъ въ Обществѣ

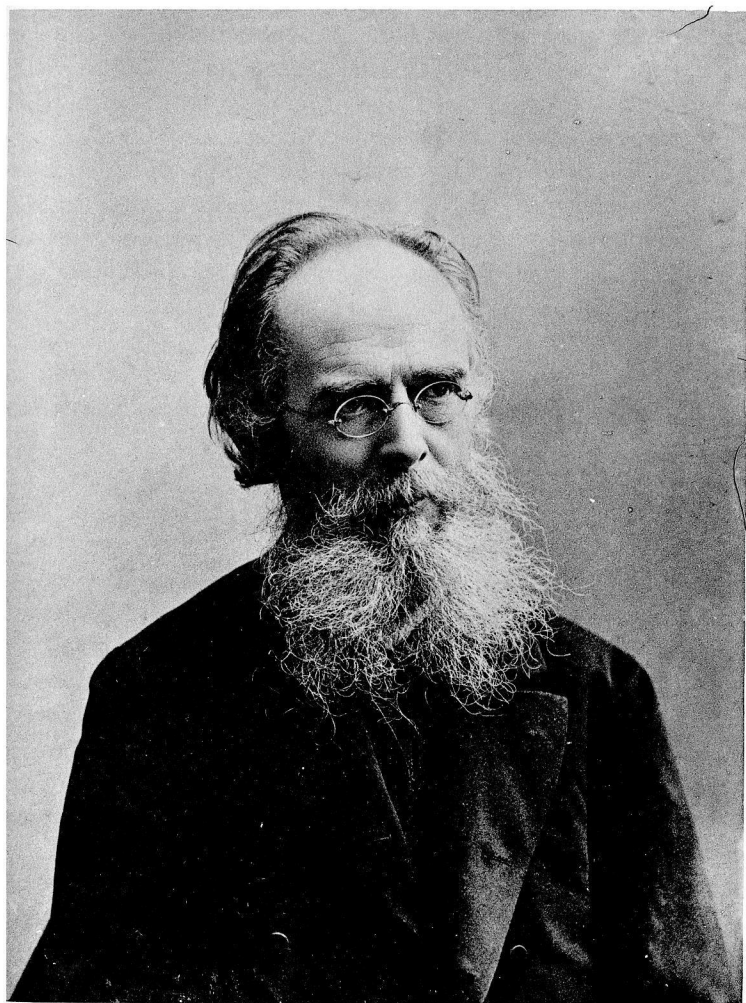
поднять былъ вопросъ о собираніи воспоминаній о покойномъ профессорѣ, чтобы сохранить въ записи память о выдающихся особенностяхъ его ума и характера. Понятно, что вопросъ этотъ апріорно не вызвалъ никакихъ возраженій и единогласно былъ утвержденъ въ положительномъ смыслѣ. Практическое его осуществленіе сопряжено съ большими трудностями. Если переводчикъ талантливаго произведенія изъ tradutore легко и невольно переходитъ въ traditore, то тѣмъ болѣе трудно вѣрно воспроизвести личность живую, разностороннюю, богато одаренную духовными силами, а именно такой оригинальной, цѣльной и богатой личностью былъ А. А. Потебня. Какъ натура цѣльная, онъ имѣлъ свой взглядъ, свои мнѣнія по многимъ вопросамъ научнымъ и общественнымъ и, главное, выражалъ ихъ въ оригинальной формѣ, своеобразной рѣчью. Обладая громаднымъ запасомъ словъ литературнаго языка и нарѣчій народныхъ, прекрасно владѣя малорусскимъ языкомъ, сохраняя въ своей замѣчательно сильной памяти множество народныхъ иѣсенъ, поговорокъ, выраженій лѣтописныхъ, житійныхъ и др., Потебня облачалъ свои мысли въ чрезвычайно рельефныя и оригинальныя формы, поражавшія слушателя яркостью и сочностью красокъ. Самая мысль выигрывала отъ этихъ внѣшнихъ формъ выраженія, получала отъ нихъ особенную силу и блескъ. По воспоминаніяхъ нельзя передать этихъ формъ, а безъ нихъ и самая мысль, которая были облечена ими, не поддается надлежащему опредѣленію.

Въ университетѣ я слушалъ Потебню въ началѣ семидесятыхъ годовъ на двухъ первыхъ курсахъ. Специальныхъ его чтеній на высшихъ курсахъ я не слушалъ, такъ какъ шелъ не по словесному, а по историческому отдѣленію и русской филологіей въ университетѣ спеціально не занимался. Потебня тогда читалъ лекціи по русской грамматикѣ о полногласіи и о суффиксахъ. Профессоръ аккуратно посѣщалъ лекціи и читалъ съ большимъ увлеченіемъ; но содержаніе лекцій было такое сухое, а изложеніе столь трудное, что пониманіе ихъ было сопряжено съ большимъ трудомъ, и это пониманіе было смутное, такъ какъ оно опиралось на частности и на примѣрахъ, не достигая общаго плана и общихъ идей. Трудность пониманія обуславливалась, между прочимъ, тѣмъ, что въ лекціяхъ были примѣры изъ санскрита и литовскаго языка, а языковъ этихъ мы, первокурсники, не слушали по программѣ университетскихъ лекцій. Профессоръ на лекціяхъ не сходилъ съ спеціальной филологической почвы. Припоминаю одинъ случай за два года, когда Потебня сообщилъ своимъ слушателямъ послѣ лекціи нѣчто, не относившееся къ лекціямъ. Въ то время онъ завѣдывалъ музеемъ изящныхъ искусствъ и древностей. По духовному завѣщанію богатаго харь-

ковскаго помѣщика Алферова, умершаго въ Боннѣ, въ музей поступила богатая коллекція картинъ, аквалерей и гравюръ, по минимальной заграничной оцѣнкѣ въ 30,000 талеровъ. Въ особенности цѣнна эта коллекція по громадному количеству гравюръ древнихъ и новыхъ мастеровъ (отъ Альбрехта Дюрера нач. XVI в. до Клейна и др.). Вотъ Потебня и сообщилъ послѣ лекціи, что нашъ университетъ обогатился такимъ цѣннымъ пожертвованіемъ.

На студентовъ новичковъ Потебня производилъ впечатлѣніе человека сухаго, строгаго и недоступнаго. Во время моего студенчества ни я, ни, сколько помню, мои товарищи, не обращались къ Потебнѣ съ личными вопросами или просьбами. Разъ я какъ то по окончаніи лекціи, въ то время какъ Потебня своимъ обычнымъ скорымъ шагомъ шелъ изъ аудиторіи въ лекторій, въ корридорѣ обратился къ нему съ какимъ-то вопросомъ. Не помню, о чемъ я спрашивалъ, не помню, что Потебня мнѣ объяснялъ; помню только, что Потебня при вопросѣ вздрогнулъ, точно я испугалъ его, и это обстоятельство настолько меня смутило, что я въ университетѣ не обращался къ нему съ вопросами. У Потебни, какъ человека кабинетнаго, весьма впечатлительнаго и нѣсколько болѣзненнаго, были своеобразныя манеры въ обращеніи и разговорѣ, наводившія нѣкоторое смущеніе на посторонняго человека. Работая постоянно и усиленно въ труднѣйшихъ научныхъ областяхъ, Потебня привыкъ къ сосредоточенному выраженію лица и при пустомъ вопросѣ, при началѣ обычнаго разговора, у него появлялись складки на лбу, что придавало выраженію лица строгость и говорило объ усиленіяхъ мысли. Студентъ новичокъ приходилъ въ невольное смущеніе. Профессоръ хмурился по привычкѣ, а студенту казалось, что профессоръ находится въ какомъ-то затрудненіи и, быть можетъ, недовольствѣ.

Съ Потебней я близко познакомился и сталъ бывать у него уже по окончаніи курса въ университетѣ. На послѣднихъ курсахъ и въ первые два года по выходѣ изъ университета я занимался специально исторіей всеобщей литературы. Потебня посоветовалъ мнѣ перейти на кафедру исторіи русской литературы, на томъ основаніи, говорилъ онъ, что исторія всеобщей литературы въ Россіи своего рода роскошь, и занятіе исторіей отечественной литературы представляется у насъ болѣе нужнымъ и болѣе производительнымъ въ научномъ отношеніи, такъ какъ трудно русскому ученому угнаться за нѣмцами въ изученіи, напр., жизни и литературы германскихъ народовъ. Этотъ совѣтъ опредѣлилъ дальнѣйшую мою дѣятельность, тѣмъ болѣе, что для продолженія научныхъ занятій по всеобщей литературѣ фундаментальная библіотека университета не давала мнѣ необходимыхъ пособій.

На всѣхъ моихъ диспутахъ, pro venia legendi, магистерскомъ и докторскомъ, А. А. былъ официальнымъ оппонентомъ, и отъ него и получилъ научное крещеніе.

Потебня не любилъ выдвигаться на первый планъ и принимать на себя отвѣтственную роль даже въ случаяхъ вполне возможныхъ, въ кругѣ его специальныхъ научныхъ занятій. Около десяти лѣтъ назадъ редакторъ Рус. Фил. Вѣстника предполагалъ передать это изданіе въ другой университетскій городъ. Между прочимъ, былъ намѣченъ Харьковъ, и Потебнѣ было предложено редактировать этотъ журналъ. Несомнѣнно, что Потебня, при его обширной эрудиціи, трудолюбіи, высокомъ уваженіи къ слову, что выражалось даже въ чрезвычайно тщательной корректурѣ, былъ бы отличнымъ редакторомъ. Несомнѣнно также, что редактированіе specialнаго изданія отняло бы у него много драгоценнаго времени, въ ущербъ его собственнымъ занятіямъ. Потебня былъ весьма заинтересованъ переводомъ Р. Ф. В. въ Харьковъ, но, не желая редактировать его, просилъ меня принять на себя редакторство, при чемъ по письмамъ проф. А. И. Смирнова ознакомилъ меня съ условіями изданія и обѣщалъ свою личную поддержку и дѣятельное участіе. При всемъ томъ, я отказался по многимъ причинамъ, главнымъ образомъ по недостатку свободнаго времени. Изданіе удержалось на прежнемъ мѣстѣ и ведется съ прежнимъ выдающимся усердіемъ и знаніемъ дѣла.

Потебня не былъ узкимъ доктринеромъ. Все хорошее въ старомъ и новомъ университетскомъ строѣ онъ признавалъ. Но и темныя стороны университетскихъ порядковъ онъ прекрасно сознавалъ и, при случаѣ, когда у него спрашивали, указывалъ на нихъ съ полной откровенностью, ничего не умалчивая и не преукрашивая. Когда министерство народнаго просвѣщенія, по введеніи новаго университетскаго устава, замѣтило несовершенство нѣкоторыхъ первыхъ мѣропріятій и стало собирать свѣдѣнія о желательныхъ измѣненіяхъ, то и Потебня въ числѣ прочихъ представилъ докладную записку, въ свое время прочитанную въ факультетѣ и пересланную въ министерство. Эта записка не была формальнымъ отвѣтомъ по мелочамъ учебной программы; она касалась существенныхъ сторонъ въ распорядкѣ лекцій. Въ тревожное время Потебня вполне сохранилъ присутствіе духа, уваженіе къ истинѣ и независимость въ сужденіи. Такіе документы нельзя передавать по памяти. Современемъ эта записка, вѣроятно, найдетъ мѣсто въ печати, и тогда она будетъ однимъ изъ крупныхъ памятниковъ его гражданскаго мужества и патріотической честности. Вскорѣ послѣдова-

ли новыя мѣропріятія, сохранившія научное достоинство за всѣми предметами факультетскаго преподаванія, согласно съ основными положеніями новаго университетскаго устава. Изъ этихъ сопоставленій вовсе не вытекаетъ, чтобы мнѣніе Потебни имѣло въ данномъ случаѣ преобладающее значеніе. Современная организація учебнаго дѣла на истор.-филол. факультетахъ обязана заботливости и усиліямъ многихъ почтенныхъ дѣятелей науки, близко стоящихъ къ министерству; но и мнѣніе Потебни было имъ извѣстно и могло быть для нихъ значительной опорой по ясности и прямолинейности.

Изъ другихъ случаевъ отношеній Потебни къ вопросамъ, возбужденнымъ высшимъ начальствомъ, можно отмѣтить его мнѣніе по вопросу о гонорарѣ за чтеніе лекцій. Потебня держался того мнѣнія, что въ настоящей системѣ вознагражденія профессоровъ за трудъ смѣшаны два разнородныхъ принципа, жалованье и гонораръ, одинъ, выработанный условіями русской жизни, другой—условіями заграничнаго университетскаго быта, неимѣющими опоры въ прошломъ русскихъ университетовъ. Гонораръ предполагаетъ свободу слушанія и свободу преподаванія, и въ настоящемъ своемъ видѣ стѣснителенъ для профессоровъ по нравственнымъ соображеніямъ и для студентовъ по причинамъ матеріальнаго свойства. Потебня предвидѣлъ, что при неравномѣрномъ распредѣленіи гонорара могутъ возникнуть нежелательныя явленія, напр., параллельные курсы, не оправдываемые научной потребностью.

Добрый и отзывчивый въ душѣ Потебня былъ суровъ въ принципиальныхъ вопросахъ и чрезвычайно легко прекращалъ знакомство, разъ замѣчалъ нарушеніе нравственнаго принципа, хотя бы безъ малѣйшаго личнаго къ нему отношенія. Если онъ узнавалъ, что профессоръ—пусть даже давній его знакомый снизошелъ до лжи, заискиванія, печатной брани или т. п. прегрѣшенія, онъ уже не кланялся ему на другой день, не подавалъ руки, какъ-бы забывалъ о его существованіи. Иногда пострадавшій прощалъ, а Потебня, стоя въ сторонѣ, не могъ простить по принципу.

Въ факультетѣ Потебня игралъ видную роль. Къ его голосу внимательно прислушивались, и слово его часто бывало рѣшающимъ. Въ факультетѣ онъ былъ охранителемъ научныхъ интересовъ и общихъ нравственныхъ университетскихъ принциповъ и въ этомъ отношеніи въ высшей степени былъ строгъ и нелицепріятенъ. Такъ, одинъ молодой ученый, даровитый и трудолюбивый, представилъ солидную магистерскую диссертацию, и факультетъ былъ расположенъ дать ему за эту

диссертацию докторскую степень. Потебня хорошо его зналъ, расположенъ былъ лично къ нему, и все таки подаль голосъ противъ докторства единственно въ силу хорошей университетской традиціи, чтобы не создать опаснаго прецедента, которымъ потомъ могли воспользоваться лица, недостаточно подготовленные или недостаточно втянувшіяся въ научную дѣятельность. Въ другой разъ у Потебни на магистерскомъ экзаменѣ не прошелъ молодой ученый, вышѣ заявившій себя въ печати нѣсколькими полезными научными трудами, не прошелъ, во-первыхъ, потому что не удовлетворилъ экзаменаціоннымъ требованіямъ по объясненію текста древнихъ памятниковъ, во-вторыхъ, изъ-за обилія рекомендательныхъ писемъ, между прочимъ, отъ лицъ сильныхъ и вліятельныхъ, но къ филологіи совсѣмъ не причастныхъ. Эти письма дѣйствительно составляли опасную новинку. Они могли связать провинціального профессора и насиловать его мнѣніе. Потебня, при единоголасномъ мнѣніи факультета, призналъ экзаменъ неудовлетворительнымъ.

Потебня, по порученію факультета, былъ официальнымъ оппонентомъ на многихъ диспутахъ. Какъ оппонентъ, Потебня былъ вѣжливъ, держался въ предѣлахъ предмета диссертациі, говорилъ по существу, безъ вопросовъ, не сводя спора на личную почву и не останавливаясь на мелочахъ. Замѣчательная эрудиція и сильная діалектика всегда дѣлали Потебню побѣдителемъ безъ униженія побѣжденнаго. Потебнѣ часто приходилось участвовать на диспутахъ по предметамъ для него стороннимъ, и въ такихъ случаяхъ въ немъ обнаруживался знатокъ дѣла, и Потебня выручалъ факультетъ изъ затрудненія съ полнымъ научнымъ достоинствомъ и пользой для дѣла.

По происхожденію, по нѣкоторымъ убѣжденіямъ и симпатіямъ Потебни былъ малоруссъ. Для Потебни это была такая же естественно-необходимая черта ума и характера, какъ цвѣтъ волосъ, очертанія глазъ или складъ черепа. Онъ съ уваженіемъ относился къ научной и просвѣтительной дѣятельности Н. И. Костомарова. Широкое нравственное міросозерцаніе Потебни исключало всякую односторонность, между прочимъ, и односторонній націонализмъ. Ко всякой народности онъ относился съ уваженіемъ и для всякой народности допускалъ возможность и право широкаго развитія всѣхъ кроющихся въ ней силъ. Потебня относился съ полнымъ осужденіемъ къ мнѣнію Макса Мюллера, что для развитія европейскаго человѣчества достаточно 4 языковъ—французскаго, нѣмецкаго, англійскаго и италіанскаго. Потебня говорилъ по этому поводу, что „языки составляютъ своеобразные органы мысли и подходятъ къ ней съ разныхъ сторонъ, и потому, достигнувъ единства языковъ, мы

остались бы въ проигрышѣ. Теперь мы подходимъ къ мысли съ разныхъ сторонъ и выражаемъ ея содержаніе съ разныхъ точекъ зрѣнія, а тогда довольствовались бы одною стороною ея. Все единство свелось бы на то общее пожираніе другъ друга, которое выражено въ малорусской поговоркѣ: „коза дере лозу, а вовкъ—козу, а вовка—мужикъ, а мужика—жидъ, а жиды—пань, а пана—юриста (адвокатъ), а юристу—триста чортывъ“.

Отмѣтимъ слѣдующее его замѣчаніе о пользѣ науки, высказанное студентамъ на лекціи: „успѣхи человѣческаго развитія выражаются въ сознаніи, что чистыя науки, свободныя отъ какихъ либо утилитарныхъ цѣлей, способны сами по себѣ удовлетворить человѣка, способны дать ему такое удовольствіе, какое, напримѣръ, доставляетъ искусство; но въ тоже время нѣтъ знанія, которое рано или поздно не принесло прямой ошутительной пользы“. При такомъ уваженіи къ наукѣ Потебня естественно уважалъ и главныхъ ея носителей и выразителей—университеты. Его уваженіе къ западноевропейскому просвѣщенію основано было не только на книжномъ, но и на личномъ съ нимъ знакомствѣ во время заграничныхъ путешествій. Нравился Потебнѣ также сравнительно болѣе высокій уровень европейской общественной морали. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ отзывался о западноевропейской привѣтливости и доброжелательствѣ въ личныхъ отношеніяхъ.

Потебня высоко цѣнилъ и любилъ искусство. Онъ находилъ, что искусство всегда идетъ впередъ науки и является необходимымъ условіемъ прогресса. Въ языкѣ и въ народной словесности онъ отмѣчалъ проявленія художественнаго начала, при чемъ мелкіе оттѣнки поэтического образа не ускользали отъ его вниманія. Чуткость ко всему прекрасному проявлялась также въ его отношеніяхъ къ музыкѣ, живописи и поэзіи. Онъ любилъ народные мелодическіе мотивы малорусскихъ пѣсень, и простѣйшими мотивами часто дорожилъ какъ самыми изящными. Зная немного музыку, онъ могъ на рояли подбирать народные мотивы пѣсень. Любилъ Потебня также живопись. Онъ всегда посѣщалъ иногда по нѣскольکو разъ академическія и передвижныя выставки и любилъ поговорить о выдающихся картинахъ. Въ послѣдніе годы онъ покупалъ у мѣстныхъ художниковъ небольшіе пейзажи. Потебня интересовался также сочиненіями по теоріи и исторіи искусства. Въ особенности ему нравились лекціи по исторіи искусства Тэна. Изъ поэтовъ Потебня любилъ Гомера, Шекспира, Шиллера. Особенно близки его сердцу были Пушкинъ, Тютчевъ и Шевченко. Въ моихъ бумагахъ сохранился списокъ текста телеграммы, составленной А. А. Потебней, по порученію совѣта университета, для отправки въ Москву при открытіи памятника А. С. Пушкину. Теле-

грамма эта представляется интересной по обрисовкѣ литературныхъ убѣжденій Потебни: „Совѣтъ харьковскаго университета, сожалѣя о невозможности имѣть своего представителя при празднованіи открытія памятника А. С. Пушкину, ограничивается выраженіемъ искренняго своего желанія! Пусть же сбывается чаяніе поэта (къ нему не заростетъ народная тропа), но не въ примѣненіи къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преусиженія какъ народности, такъ и все-народности русской литературы! Пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе объ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человѣкъ чувствовать себя одинокомъ и чужимъ среди своего народа, безсильнымъ при встрѣчѣ свободнаго развитія его мысли! Пусть ширится русская литература и за нынѣшними своими предѣлами силою своего собственнаго достоинства! Наконецъ, пусть будетъ Вамъ праздникъ радостей, „а мы уже, дружина, жадны веселія“.

По преданіямъ, давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, Потебня прочелъ публичную лекцію о Ѳ. И. Тютчевѣ. Въ печати не сохранилось никакихъ указаній на нее. Въ посмертныхъ бумагахъ найдены замѣтки объ изученіи иностранныхъ языковъ, съ цѣлымъ рядомъ замѣтокъ о народности, написанныя по поводу стихотвореній Тютчева, вѣроятно, остатокъ отъ лекціи или черновой ея набросокъ. Въ высокой оцѣнкѣ стихотвореній Тютчева Потебня сходилъ съ Тургеневымъ.

Въ засѣданіи историко-филологическаго Общества 11 февраля 1881 г. Потебня сказалъ рѣчь о Ѳ. М. Достоевскомъ; эта рѣчь была напечатана въ сокращеніи въ 52 N Южнаго Края 1881 г., повидимому, съ вѣдома и согласія автора. Уже одно вступленіе отличается оригинальностью и строгостью взгляда: „Число гостей нашихъ болѣе обыкновеннаго“, такъ началъ Потебня свою рѣчь. „Есть основаніе думать, что нѣкоторые изъ нихъ привлечены невѣрными слухами о характерѣ нашего собранія. Въ виду этого считаю нужнымъ сказать, что какъ вообще цѣль нашего общества содѣйствовать развитію и распространенію историческихъ и филологическихъ знаній, такъ и настоящее собраніе назначено не для изліянія чувствъ, хотя бы и самыхъ благородныхъ, и не для причтенія, такъ сказать, Ѳ. М. Достоевскаго къ лику свитыхъ и пророковъ, а для спокойнаго обмѣна мыслей о его литературной и публицистической дѣятельности. Полезное чествованіе дѣятеля мысли есть стараніе понять его“. Потебня подробно остановился на „Дневникѣ Писателя“. Лучшее въ „Дневникѣ“ то, что образно, поэтично, иносказательно; прочее слабо, хотя и характерно. Содержаніе „Дневника“ Потебня свелъ къ тремъ отдѣламъ: русское образованное общество, народъ и Европа, при чемъ подробно остановился на маніи величія личнаго и народнаго. Поднятіе

національного духа єсть апетитъ нормальный; но мессіанизмъ єсть плохой суррогатъ здоровой пищи. Мессіанизмъ (еврейскій, польскій и др.), или вѣра въ то, что извѣстному народу предназначено быть спасителемъ міра, єсть вѣра униженныхъ и оскорбленныхъ, долженствующая въ мечтѣ вознаградить ихъ за дѣйствительныя страданія и внушить любовь къ жизни. Какъ реакція дѣйствительному или мнимому униженію и паденію духа является гипсоманія, а не чувствомъ собственнаго достоинства, равенства и братства. Наоборотъ кто хоть по малости имѣетъ возможность совершать дѣла братства и любви, тотъ врядъ ли почувствуетъ жажду всемірнаго господства. Вообще Потебня отнеси съ большимъ осужденіемъ къ мессіанизму Достоевскаго съ его враждой къ „господамъ русскимъ европейцамъ“ (подробности см. въ Южн. Краѣ).

О графѣ Л. Толстомъ мнѣ приходилось бесѣдовать случайно и мимоходомъ. Потебня и въ графѣ Толстомъ, какъ въ Достоевскомъ, строго различалъ писателя художника отъ писателя публициста, и въ публицистическихъ его статьяхъ осуждалъ непродуманное и бездоказательное отрицаніе науки.

Лѣтъ десять назадъ Потебня въ небольшомъ кругу своихъ друзей сдѣлалъ краткое сообщеніе о значеніи Шевченка. Не входя въ разборъ отдѣльныхъ стихотвореній, онъ далъ общую высокую оцѣнку поэзіи Шевченка, которая незыблемо сохраняетъ за собою просвѣтительное и гуманитарное значенія и является плодотворнымъ жизненнымъ стимуломъ при всякомъ подъемѣ общественной морали. Изъ малорусскихъ писателей стараго времени Потебня высоко цѣнилъ Сковороду и Квитку. По міросозерцанію и нравственной философіи онъ былъ близокъ къ Сковородѣ. Въ кругу близкихъ знакомыхъ Потебня однажды, лѣтъ 10 назадъ, прочиталъ замѣчательную лекцію о философіи Сковороды по предисловію неизданнаго въ печати его сочиненія „Израильскій Змій или картина нареченная День“. Рукопись этого сочиненія была подарена историко-филологическому обществу нынѣ покойнымъ преподавателемъ исторіи и географіи В. Л. Спасскимъ. Въ сочиненіи Сковороды находится мистическое толкованіе Библии, не имѣющее никакого значенія. Замѣчательно лишь предисловіе къ этому толкованію, гдѣ находятся общія философскія мысли пантеистическаго свойства. Языкъ предисловія сильный и выразительный. Философія Сковороды получила яркое освѣщеніе въ блестящемъ толкованіи Потебни, при чемъ искусно были отгѣнены нѣкоторыя національныя особенности Сковороды въ языкѣ и мысленіи. Къ сожалѣнію, этотъ рефератъ Потебни не былъ напечатанъ и не сохранился въ посмертныхъ его бумагахъ.

Публичная лекція о Квиткѣ была прочитана Потебней въ 1878 по случаю столѣтія со дня рожденія этого писателя, съ назначеніемъ всего сбора (200 руб.) на изданіе сочиненій Квитки. Эта лекція также не была напечатана и не сохранилась въ рукописяхъ. Краткая замѣтка о ней была напечатана въ Газетѣ Гатцука 1878 г. стр. 819.

Къ періодической печати Потебня относился доброжелательно, но участія въ ней не принималъ, исключая специальныхъ органовъ—Журн. Мин. Нар. Просв., Фил. Зап., Рус. Фил. Вѣст. и Кіев. Старины. Потебня внимательно слѣдилъ за получаемыми въ университетѣ специальными иностранными, преимущественно славянскими изданіями: Періодическимъ Списаніемъ, Гласникомъ, Архивомъ г. Ягича и др. Изъ большихъ литературно-политическихъ изданій онъ интересовался только Вѣстникомъ Европы.

Въ іюнѣ 1890 г. имѣлъ мѣсто одинъ любопытный эпизодъ: между двумя писателями возникъ споръ о заимствованіи литературнаго сюжета, и спорившіе просили А. А. Потебню, Д. И. Багалѣя, А. А. Русова, Я. С. Станиславскаго и А. Л. Шиманова быть судьями. По этому случаю сличены были двѣ подавшія поводъ къ спору комедіи, причемъ никакого плагиата не оказалось, и въ № 3264 Южнаго Края было сдѣлано особое сообщеніе, въ которомъ первая общая часть о значеніи литературнаго заимствованія была написана А. А. Потебней. Для опредѣленія понятія о плагиатѣ Потебня положилъ такое основаніе: „Съ одной стороны, свойства человѣческаго творчества таковы, что безъ возбужденія чужою мыслью, безъ извѣстной доли заимствованія оно возникнуть и существовать не можетъ. Даже своеобразнѣйшія произведенія не составляютъ исключенія. Чужая мысль, чтобы стать плодотворною для меня, а черезъ меня и для другихъ, должна быть мною усвоена, т. е. до извѣстной степени присвоена, ибо точное отдѣленіе своего отъ чужого въ области мысли „*sumi cuique tribuere*“ до подробностей во множайшихъ случаяхъ невозможно. Съ другой стороны,—авторъ нерѣдко склоненъ „*sibi nimium tribuere*“, какъ бы брать себѣ въ аренду извѣстныя мысли и даже области мысли и смотрѣть какъ на безнравственность на всякую попытку вторженія въ эту мнимую аренду; но за всѣмъ тѣмъ онъ имѣетъ право на пользованіе извѣстнымъ благомъ, вытекающимъ изъ его авторства; безъ этого онъ будетъ лишень эгоистическихъ побужденій къ дѣятельности, быть можетъ, общепользною, и общепользное дѣло будутъ дѣлать лишь рѣдкіе, способные къ полному безкорыстію“. Далѣе: 1) Въ словесности, и въ частности въ драматическихъ произведеніяхъ, заимствованіе фабулы не есть плагиатъ. Въ противномъ случаѣ произведенія древнихъ грече-

скихъ трагиковъ, пользовавшихся мифами, Энеида Виргилія и произведенія многихъ другихъ римскихъ писателей, драмы Шекспира, „Фаустъ“ Гете, „Каменный Гость“ Пушкина, „Мертвыя души“ и „Ревизоръ“ Гоголя и многія другія произведенія должны быть признаны плагіатами. Въ живописи и скульптурѣ этому соотвѣтствуютъ произведенія на ту же библейскую, церковно-историческую, историческую тему, наприм., безчисленныя изображенія мученій Св. Себастіана. 2) Въ предыдущемъ отчасти заключено и то, что заимствование готовыхъ характеровъ не есть еще плагіатъ. Фабула безъ плагіата нерѣдко заимствуется вмѣстѣ съ такими характерами (напр. Прометей, Фаустъ, Донъ-Жуанъ, у насъ: Чацкій, Молчалинъ, Репетиловъ, Расплюевъ). Поэтому никакая нравственность не уполномачиваетъ считать личною собственностью типа уродливаго злодѣя, тѣмъ болѣе, что и раньше у Шекспира есть такой злодѣй (Глостеръ, Ричардъ III), безобразный до того, что, какъ онъ говоритъ, „взвидѣвши его, собаки лаютъ“, вслѣдствіе чего онъ „бросился въ злодѣйскія дѣла“. 3) Наиболѣе личное въ драматическомъ творчествѣ—то, въ чемъ наиболѣе, а иногда исключительно сказывается степень его своеобразности и таланта,—такъ называемое оживленіе фабулы, изложеніе, совокупность частныхъ въ изображеніи характеровъ, мотивировка дѣйствій, рѣчи лицъ. Такимъ образомъ въ вопросѣ о плагіатѣ существенно было бы не то, что въ другихъ пьесахъ есть Ричардъ Глостеръ, безобразный злодѣй, ищущій въ замужество леди Анну, а на прим. вся 2-я сцена 1-го акта Ричарда III, гдѣ леди Анна сначала осыпаетъ проклятіями Глостера, а кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ отъ него кольцо,—вся эта сцена у гроба, съ тѣмъ же ходомъ мыслей и чувствъ дѣйствующихъ лицъ, съ тѣмъ же общимъ смысломъ рѣчей, хотя бы отдѣльныя выраженія и были иныя.

Этими данными заканчиваю свои воспоминанія объ А. А. Потебнѣ; въ памяти мелькаютъ еще многія бесѣды, многія замѣчанія А. А.-ча; но я не берусь формулировать ихъ изъ опасенія исказить его мнѣнія въ передачѣ собственными словами на разстояніи многихъ лѣтъ отъ перваго впечатлѣнія.

Продолженіе слѣдуетъ.

Н. Суминовъ.